

Татьяна Жуковская
Санкт-Петербург, Россия

„РОССИЯ НЕ АНГЛИЯ...”: СПОР Н.М. КАРАМЗИНА С „ЛИБЕРАЛИСТАМИ” О ПЕРСПЕКТИВАХ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

„Russia is Not England...”: Discussion Between N. Karamzin and "Liberalists" about Perspectives of Russian Constitutionalism

Keywords: ideology of N. Karamzin, liberalism of noble elite, opinions about constitution in the 1810s.

Abstract: The ideological evolution of N. Karamzin from enlightenment and an openly pro-European stance in his youth to enlightened conservatism and condemnation of “our headless liberalists” in the last years of his life reveals a pattern. The epistolary heritage of the historian testifies to an intense dialogue with representatives of the circle of “Russian Europeans”, including the Turgenev brothers, P.A. Vyazemsky, S.S. Uvarov, P.V. Dashkov and others. Their discussion revolved around questions of current policy, relations of the elite with the people and the government, perspectives for development of a constitution and reforms in Russia. The emperor Alexander I engaged in political dialogue with Karamzin, as evidenced by policy notes of N.M. Karamzin to the Emperor (*Memoir on Ancient and Modern Russia* (1811); *Opinion of Russian citizen*), their correspondence from the 1820s and letters of members of the royal family to Karamzin. Based on these sources, this article clarifies the ideological and political positions of the dispute participants.

Политические идеалы Н.М. Карамзина менялись в течение жизни, что естественно. Не изменяя себе, он изменялся вместе с политической ситуацией в России, проделав эволюцию от абстрактно-демократических идеалов юности к „просвещенному консерватизму”. Реплика Карамзина, вынесенная в название статьи, определяет идейную дистанцию между историком и его оппонентами из круга либерально мыслящей дворянской молодежи, как теми, кто был близок к декабристской конспирации, так и остававшимися вне тайных обществ.

29 апреля 1818 г. Карамзин писал ближайшему другу И.И. Дмитриеву об общественной реакции, которую произвела речь Александра I на открытии

первого Сейма Царства Польского. Сама эта речь стала моментом истины для правительственного либерализма как политической стратегии императора, полем для апробации которой представлялась вновь присоединенная окраина. Эта стратегия обнаружила свою противоречивость, умозрительность, а главное, слабость социальной поддержки, как среди поляков, так и внутри России. Выступление царя, адресованное не только польским депутатам, но и соотечественникам, а также общественному мнению Европы, вызвало в России разноречивую реакцию: надежды у одних, тревогу у других, всплеск оскорбленного патриотизма у третьих, поскольку польская окраина получила конституцию, а в отношении внутренних губерний царь ограничился размытыми обещаниями. „Политическое устройство, существующее в вашем крае, – говорил он, обращаясь к депутатам Сейма, – надеюсь при помощи Божьей распространить и на все территории, попечению моему вверенные”¹. Отношение к Варшавской речи императора и конституционному устройству Царства Польского стало формой проявления либерально-дворянской оппозиции в России, политический радикализм которой причудливо сочетался с ультрапатриотическими и антипольскими настроениями. При относительной свободе цензуры в 1818 г. политические споры можно было вести достаточно свободно, используя журнальную трибуну, дружескую переписку, салоны и кружки.

Н.М. Карамзин оценил конституционные перспективы для России, открывавшиеся из подтекста Варшавской речи и оживившие общество, весьма скептически:

Спят и видят конституцию, [...] начинают и писать. И смешно, и жалко! Дать России конституцию в модном смысле – все равно, что нарядить солидного человека в гаерское платье. Россия – не Англия, и не Царство Польское, и может скорее упасть, нежели еще более возвыситься...².

Реплика Карамзина относится, конечно, не к И.И. Дмитриеву, который с высоты своих лет и политического опыта мыслил сходно с ним, а к молодым литературным друзьям, в частности – служившему в Варшаве при канцелярии

¹ *Дух журналов*, 1818, ч. 26, кн. 14, с. 427. Перевод речи Александра I с французского на русский язык был сделан П.А. Вяземским. Ее полный текст был опубликован в официальных изданиях: „*Conservateur impartial*”, „*Московские ведомости*”, перепечатан „*Украинским вестником*”, вышел отдельным изданием на русском языке. Позже речь была включена Н.И. Гречем в *Учебную книгу российской словесности* (Санкт-Петербург 1819, ч. 1). „*Вестник Европы*” поместил на своих страницах подборку отзывов иностранных газет о варшавской речи („*Вестник Европы*” 1818, ч. 99, с. 166). Это свидетельствует о том, что заявление императора о готовности распространить положения Конституции Царства Польского на внутренние губернии было одновременно агитацией в ее пользу и проверкой общественной реакции. Полный текст польской конституции 1815 г. также был переведен на русский язык.

² *Письма Н.М. Карамзина к И. И. Дмитриеву*, Санкт-Петербург 1866, с. 236–237.

Н.Н. Новосильцева шурина и воспитаннику Карамзина П.А. Вяземскому. Это возражение решительным мнениям Вяземского, которые тот открыто развивал в переписке с друзьями-„арзамасцами”: „Народ может быть переспелым для конституции, но никогда – незрелым”³, имея в виду, что и России пора дать конституцию, а народ „дозреет” потом.

Определяя позицию своих оппонентов, особенно тех, кто высказывался публично, как Вяземский, Карамзин использовал ироническое словообразование „либералисты”, которое стало частью политического языка второй половины 1810-х гг. Наряду с ним в обществе употреблялось и определение „либерал”, происходившее от французского *liberal* (свободный). Мемуаристы пишут о появлении моды на „либеральность”, и людей „aux idées libérales, или как тогда переводили, о людях с высшим взглядом о необходимости общего преобразования, о конституции”⁴. Определение „либералисты” в его франкоязычном и русскоязычном варианте появляется в переписке Карамзина как раз тогда, когда в литературном кружке „Арзамас” сформировалось политическое крыло. Не отделяя себя от Карамзина и именуясь „карамзинистами”, его духовные питомцы полемизировали с ним, иногда не стесняясь в выражениях. Эта дискуссия прослеживается на основании комплекса писем Карамзина последних 7-8 лет его жизни, а также переписки „арзамасцев”, ставшей акцией коллективной⁵.

Карамзин не отделял себя от „арзамасцев” и „либералистов” в личном отношении, многих искренне любил. Приехав в Петербург в феврале 1816 г. он сообщает жене: „Здесь всех любезнее для меня арзамасцы, вот истинная русская академия, составленная из молодых людей умных и с талантом”⁶. Полемизируя, он не раздражается на оппонентов: „Пусть говорят и пишут, что хотят. По крайней мере, я делом либералист”⁷. Помогая П.А. Вяземскому советами в переводе польской конституции, он пишет в июне 1818 г.: „Вы же переводите конституцию душевспасительную. Я сам почти обратился в конституцию”⁸.

„Либералисты”, не были едины в своих политических взглядах. П.А. Вяземский, Н.И. Тургенев, М.Ф. Орлов, Н.М. Муравьев, отчасти С.И. Тургенев – это активные и последовательные сторонники перенесения в Россию западных конституционных политических институтов, отмены крепостного права. А.И. Тургенев, С.С. Уваров, Д.Н. Блудов, Д.В. Дашков

³ П.А. Вяземский, *Записные книжки*, Москва – Ленинград 1963, с. 63.

⁴ Ф.Ф. Лубяновский, *Воспоминания. 1777-1834*, Москва 1872, с. 209-210.

⁵ М.И. Гиллельсон, *П.А. Вяземский: Жизнь и творчество*, Москва – Ленинград 1969; *idem*, *От Арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей*, Ленинград 1977.

⁶ Н.М. Карамзин, *Неизданные сочинения и переписка*, ч. 1, Санкт-Петербург 1862, с. 153, 160, 165.

⁷ *Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву...*, с. 343-342.

⁸ *Письма Н.М. Карамзина – П.А. Вяземскому. 1810-1826*, изд. Н. Барсуковым, Санкт-Петербург 1897, с. 55.

– более умеренные, их А.Н. Шебунин в свое время определил как русских „тористов”⁹. Часть молодых друзей Карамзина в 1817-1818 гг. получили дипломатические назначения и покинули Россию (Д.Н. Блудов, Д.В. Дашков, П.И. Полетика), перейдя в режим заочного общения с историком.

Для точности картины следует уточнить „систему политических понятий” о конституции и идеальном политическом устройстве, в которой мыслили оппоненты. Выстраивая генезис понятия „конституция” в российском политическом дискурсе, исследователи, отделяют первоначальное значение этого слова, присущее документам конца XVII – XVIII вв. от значения, которое понятие „конституция” приобрело в языке первой трети XIX в. Первоначально латинское слово конституция (*constitutio*), заимствованное через польский язык, обозначало всякое законное политическое устройство¹⁰. Этим термином именовались решения польского сейма, гетманские постановления, система действующего законодательства и администрации в самой России XVIII века, включая совокупность институтов самодержавной монархии. В столь же широком контексте употреблялись формулы „фундаментальные законы”, „неизменные законы”, без указания на модальность: либеральный/ нелиберальный закон. Карамзин, как человек XVIII века, отдал дань широкой трактовке понятия „конституция”.

В протоколах Негласного комитета под „конституцией”, которую сотрудники императора предполагали составить для России, подразумевалась одновременно и правильно устроенная администрация, и система гражданских свобод, и гарантии прав подданных¹¹. Близкое этому определение конституции предлагалось в проекте М.М. Сперанского *Введение к уложению государственных законов* (1809).

В послереволюционную эпоху, когда многие страны Европы получили писанные конституции (в одной Франции между 1789 и 1814 гг. их было принято пять), конституция стала отождествляться с основным законом, который либерализирует государственные и общественные институты. Под конституционализмом стало пониматься введение представительного правления, политических и гражданских свобод, система которых описана Бенжаменом Констаном в труде *Принципы либерализма* (1815) и других сочинениях¹², хорошо известных российскому читателю.

⁹ А.Н. Шебунин, *Братья Тургеневы и дворянское общество Александровской эпохи*, в: *Декабрист Н.И. Тургенев. Письма брату С.И. Тургеневу. 1811-1824*, Москва – Ленинград 1936, с. 35-36.

¹⁰ Д.А. Бадалян, *Понятие конституция в России XVIII-XIX веков*, в: „Понятия о России”: *к исторической семантике имперского периода*, Москва 2012, т. 1, с. 151-174.

¹¹ *Ibidem*, с. 148-149.

¹² Benjamin Constant, *Collection complète des Ouvrages Publiés sur le Gouvernement représentatif et la Constitution actuelle de la France...* t. 1-4, Paris 1818-1820.

Дискуссии же велись вокруг того, какая именно из национальных конституционных моделей стран Европы (или их синтез) исторически подходит для России.

В российской политической культуре новое понимание термина „конституция” отразилось не только в проектах 1810-х – начала 1820-х гг. (от *Уставной грамоты Российской империи*, написанной в варшавской канцелярии Н.Н. Новосильцева, до проектов декабристов), но также в академических словарях и в учебной литературе. Именно такую „писаную” конституцию для России ожидали от Александра I с 1818 г. Карамзин же последовательно дезавуировал этот „журнальный конституционализм”, поскольку считал его далеким от потребностей политического развития России и состояния ее общественной жизни.

При этом и Карамзин, и его оппоненты соотносили модель желаемого развития России с некоей идеальной Европой. Трансфер каких национальных политических и культурных достижений на русскую почву они считали возможным? Страной, признанной шедевром политического, экономического и социального порядка считалась Англия. Это та „идеальная Европа”, которую Карамзин полюбил еще во время своего путешествия 1789-1790 гг., и с которой реформаторы начала XIX в. соотносили свои проекты государственного переустройства и развития „людскости” (общественных институтов). Это отношение разделяли члены Негласного комитета, М.М. Сперанский, декабристы. „Шедевром рассудка человеческого” называл политическое устройство Англии П.А. Вяземский, однако признавал, что французский опыт более полезен, поскольку парламентская система Реставрации формируется на глазах, за этим можно следить: „там задачи уже решены, здесь их еще решают”¹³. Англофильство Вяземского, как и братьев Тургеневых, было ориентировано на политико-правовые традиции и особенности государственного устройства великой островной державы.

Преклонение перед Англией Карамзина распространялось на сферу просвещения, культуры и нравов. Описание его знакомства с Англией в тексте *Писем русского путешественника* эмоционально окрашено и выглядит как манифест:

Берег! Берег! Мы в Дувре и я в Англии – в той земле, которую в ребячестве своем любил я с таким жаром, и которая по характеру жителей и степени народного просвещения есть, конечно, одно из первых государств Европы. Здесь все другое: другие дома, другие улицы, другие люди, другая пища – одним словом, мне кажется, что я переехал в другую часть света... Какое многолюдство!

¹³ *Остафьевский архив князей Вяземских*, Т. 1 (*Переписка П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым (1812-1819)*), ред. В.И. Саитов, Санкт-Петербург 1899, с. 162.

какая деятельность! и притом какой порядок! Ни один предмет от Дувра до Лондона не напомнил мне о бедности человеческой¹⁴.

Богатство, порядок и деятельность – три качества, которыми молодой Карамзин обозначил превосходство социального быта Англии. Отметим, что до прибытия в Англию он был хорошо знаком с английской политической и философской литературой¹⁵, кроме того, проехав всю Европу, уже имел обширный материал для сравнения.

Противопоставляя Россию Европе, Карамзин пишет не о худшем, а об *ином* течении политического и социального времени в России. В *Записке о древней и новой России*, рассуждая о своеобразии ее исторического пути, и, как следствие, особенностях ее политического и социального устройства, он подчеркивает, что Россия сложилась как государство

между азиатскими и европейскими царствами, она представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних восточных нравов [т. е. варварских. – Т.Ж.], привнесенных славянами в Европу, [...] византийских, заимствованных россиянами вместе с византийскою верою и некоторых германских, сообщенных нам варягами¹⁶.

По существу, Карамзин предвосхитил евразийство как опыт объяснения России из синтеза двух цивилизаций. Об этом писал, в частности, Ю.М. Лотман в одной из последних своих работ¹⁷. Евразийское своеобразие России, по мнению историка, было вытеснено форсированными заимствованиями европейской культуры, которые произвел Петр I. Тогда-то, „мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России“¹⁸. В период издания „Вестника Европы“ Карамзин готов был приветствовать перенос европейского культурного опыта в Россию, позже – относился к этому процессу осторожно. Став историографом, он выступал по преимуществу защитником собственного российского исторического опыта, ставя под сомнение возможность переноса новейших политических институтов, таких как система представительства (во французском, норвежском, испанском или польском варианте). Важнейшим он считал то, чтобы *уровень просвещения,*

¹⁴ Н.М. Карамзин, *Письма русского путешественника*, подг. и комм. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский, Ленинград 1984, с. 327, 329.

¹⁵ А.Г. Cross *Karamzin and England* в: „*Slavonic and East European review*“, vol. 43. № 100, Dec. 1964. s. 90-114.

¹⁶ Н.М. Карамзин, *Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении*, Москва 1991, с. 23.

¹⁷ Ю.М. Лотман, *Карамзин Николай Михайлович*, в: *Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь*, т. 2, Москва 1992, с. 477.

¹⁸ Н.М. Карамзин, *Записка о древней и новой России*, *op. cit.*, с. 35.

развития гражданских отношений („людскости”) соответствовал широте прав, даруемых гражданам через систему народного представительства. В *Письмах русского путешественника* он восхищался именно просвещенностью англичан: „Не Конституция, а просвещение Англии есть истинный их Палладиум”¹⁹.

Контрапунктом этому заявлению звучит формула из *Записки о древней и новой России*: „Самодержавие – есть Палладиум России”.

Просвещенное самодержавие, таким образом, Карамзин считает идеальным для России институтом, в силу непросвещенности народа, не готового управлять и реализовать свои права, дарованные „конституцией”. Россия, по его мнению, не переварит конституционализма, неосторожных экспериментов Александра I, которые историк безжалостно критиковал в 1811 г. Он видел, что лишь ничтожное меньшинство русских испытывает потребность в свободе, остальные, главным образом, молодежь, – лишь подражают моде на либеральность. Таких „скороспелых либералистов”, Карамзин высмеивал:

Люди на всем сходят с ума: либерализм сделался болезнью. Все к лучшему, но не в смысле здешнего света. Мне с некоторого времени кажется, что просвещение Европы угрожает затмением²⁰.

Опасаясь, что Вяземскому и его друзьям следует „перестать излишне рыцарствовать за либерализм”²¹, когда это начинает раздражать правительство, он, тем не менее, заступает за Вяземского и А.С. Пушкина перед императором. 19 апреля 1820 г. он пишет о Пушкине:

Служа под знаменами либералистов, он написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей и проч. Из жалости к таланту, замолвил слово, взяв с него обещание уняться [...] Не знаю, что будет. Мог бы похвалиться новым удостоверением, что либерализм наших молодых людей совсем не есть геройство и великодушие²².

В последние годы жизни историк продолжает считать важнейшей политической стратегией просвещение народа. И все же Виктор Леонтович в своем классическом труде не случайно вписал Карамзина в либеральную традицию, предложив его идеологии своеобразную маркировку: „либеральный абсолютизм, просвещенный консерватизм”²³. Это определение не противоречиво,

¹⁹ Н.М. Карамзин, *Письма русского путешественника*, оп. cit., с. 382-383.

²⁰ *Письма Н.М. Карамзина к А.Ф. Малиновскому*, изд. Н. М. Лонгинов, Москва 1860, с. 41, письмо 1 мая 1919 г.

²¹ *Письма Н.М. Карамзина к И. И. Дмитриеву*, оп. cit., с. 322.

²² *Ibidem*, с. 286-287.

²³ В.В. Леонтович, *История либерализма в России. 1762-1914*, Москва 1995, с. 95-98.

если понимать, что либерализм Карамзина состоит в любви к „внутренней свободе, которою никакой тиран не в силах отнять”. Он не боится сказать о себе: „По чувствам останусь республиканцем, но при том верным подданным царя русского. Вот противоречие, но только мнимое”²⁴. Кстати, Карамзин не стал опровергать рецензента из французского журнала „Constitutionnelle”, назвавшего автора IX тома *Истории государства Российского* либералом.

Политическая идеология позднего Карамзина органично сочетает несколько элементов.

1. *Просвещенный монархизм*, который находит историческое обоснование в том, что монархии гораздо реже других форм вырождаются в тиранию. При „просвещенном” государе, стремящемся к добру (т. е. Александре I), желать ограничения его власти – неразумно. В своем главном историческом труде и в публицистике Карамзин предлагает образ „идеального самодержавия”: просвещенного, деятельного, либерального, правда лишь как проект будущего, тем более, что образы реальных самодержцев, нарисованные им, небезупречны. Эта точка зрения выглядела оппозицией „правительственному либерализму” Александра I. Сама же *История...* писалась как предостережение и напоминание об ответственности. Не случайно император с 1819 г. стал одним из первых ее читателей, получая рукописные списки последних томов еще до их отсылки в типографию. Тема об отношениях Карамзина и Александра I в последние годы царствования могла бы стать предметом отдельного исследования. Во всяком случае, в эти годы именно Карамзин побуждает утомленного деятельностью монарха продолжать „делать добро”, этому посвящены их продолжительные разговоры в Царском Селе и в Петербурге, в том числе последняя встреча перед отъездом царя в Таганрог. Карамзин пишет царю:

Вы служите орудием Провидению. Здесь либералисты, там сервиллисты; истина и добро в середине: вот Ваше место, прекрасное, славное! Стойте же на часах без усталости... и Вам скажет спасибо история неумытная” (т. е. неподкупная – Т.Ж.)²⁵.

Екатерину Павловну он уверяет:

Я надеюсь, что император излечит язвы России и принесет нам спасительный бальзам – хорошую администрацию. На Россию можно смотреть как на тело очень крепкое и здоровое: надобно только помогать природе лекарствами простыми, добытыми из трав домашних, а не чужеземных, – все пойдет хорошо²⁶.

²⁴ Письма Н.М. Карамзина – И.И. Дмитриеву, *op. cit.*, с. 249.

²⁵ *Неизданные сочинения и переписка Н.М. Карамзина*, Санкт-Петербург 1862, с. 28.

²⁶ *Ibidem*, с. 109.

Александр терпеливо слушал своего независимого советника и „светского духовника”²⁷, хотя его советам и не следовал, как признал историк после смерти царя.

2. **Легитимизм, традиционализм.** Любое посягательство на устоявшийся и узаконенный порядок вещей, традицию, осуждалось Карамзиным. Такова была его реакция и на польскую политику Александра. Особенно тревожил историка неподобающий шум вокруг польской конституции и толки о ее скором распространении на Россию. Двусмысленные обещания Александра на польском сейме о расширении границ „конституционной территории” и о том, что давние „польские надежды” могут быть им выполнены, заставляют историка осудить действия императора. Он изложил свою позицию в записке *Мнение русского гражданина* (1819), обсуждение которой с императором затянулось до глубокой ночи и, видимо, повлияло на него.

3. **Страх революции.** Карамзин совершенно иначе чем „либералисты” относится к революции. Критик *Истории государства Российского* Н.М. Муравьев допускает революцию как естественное следствие дурного правления. Карамзин, принадлежа к поколению свидетелей Великой французской революции, страшится повторения подобного, понимая, что революции не делают мир лучше („можно низ поставить вверх, но все будет верх и низ”), однако разжигают страсти, и, главное, ожесточают и развращают людей. Цикл революции заканчивается тиранией, о чем историк писал еще в 1814 г.²⁸

Декабристы, заставшие революцию во Франции детьми, не могли разделить с Карамзиным интерпретацию ее уроков. Они обвиняют его в эгоизме, осторожности и даже глупости. „Дурак”. „Это ничего не доказывает”, – пишет Н.М. Муравьев на полях *Писем русского путешественника* по поводу рассуждений автора о „своевольстве галлов” в 1790 г.²⁹

С этих позиций Карамзин оценивает и выступление 14 декабря 1825 г., считая его *мятежом*, посягательством на законное правление. Он пишет Н.М. Дмитриеву:

Нелепая трагедия наших безумных либералистов! Дай Бог, чтобы истинных злодеев нашлось между ними не так много. [...] Я, мирный историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятеж³⁰.

²⁷ Ю.С. Пивоваров, *Время Карамзина и „Записка о древней и новой России”*, в: *Записка о древней и новой...*, Москва 1991, с. 14.

²⁸ Н.М. Карамзин, *Освобождение Европы и слава Александра I*, в: *idem, Сочинения*, т. 1, Санкт-Петербург 1834, с. 253.

²⁹ Н.Я. Эйдельман, *Последний летописец*, Москва 2004, с. 143-146.

³⁰ *Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву*, *op. cit.*, с. 411-412.

Но поскольку эта трагедия коснулась его ближайших друзей и их семейств, она стала его личной трагедией.

4. *Патриотизм*, притом не созерцательный, не показной, а деятельный. Он состоит в способности признать „язвы” Отечества, что необходимо для их исправления. Это понимание Карамзин развернул еще в 1802 г.:

Не говорю, чтобы любовь к отечеству долженствовала ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русский должен по крайней мере знать цену свою. [...] В науках мы стоим еще позади других и оттого единственно, что менее других занимаемся ими и что ученое состояние не имеет у нас такой обширной сферы, как, например, в Германии, Англии и проч³¹.

5. *Внесение морали в политику*. Важная причина скепсиса Карамзина в отношении новейших западных „конституций” – убеждение в том, что современная политика основана на расчете, страстях и заблуждениях ее творцов:

Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервилисты! Кто из вас может похвалиться искренностью? Вы все Авгуры, и боитесь заглянуть в глаза друг другу, чтобы не умереть со смеху. Аристократы, Сервилисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден. Демократы, Либералисты хотят нового беспорядка: ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод³².

11 апреля 1821 г. он пишет Дмитриеву:

Нельзя читать без отвращения, что происходит в парижской камере. Либералисты усмиряются или усмирятся. Дай Бог, чтобы только наши финансы поправились...³³.

Современный мир, по его мнению, нуждается во внесении нравственности в политику. Поэтому-то России нужна монархия, законная несменяемая власть, которая стоит выше людских страстей, соблюдая „нравственный закон”. Такое правление можно считать легитимным, просвещенным и согласным с потребностями страны.

Обобщая „парадоксы Карамзина”, можно видеть, что его расхождение с „либералистами” состояло не столько в представлении образа обновленной России, сколько в определении способов достижения желаемого обновления, в выборе дорожной карты. „Либералисты” первым шагом к реформированию

³¹ Н.М. Карамзин. *О любви к отечеству и народной гордости*, „Вестник Европы” 1802, № 4, с. 56-69.

³² *Неизданные сочинения и переписка Н.М. Карамзина*, *op. cit.*, с. 194-195.

³³ *Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву*, *op. cit.*, с. 395.

России полагали введение представительного правления, институциональных свобод. Карамзин считал этот путь недостижимым для „непросвещенной” России начала XIX в. В ряде своих суждений он сближается с „либералистами”, однако либерализм его состоит в приверженности не политической, а гражданской свободе, развитию индивидуальности, названной „свободой внутренней”, которую „никакой тиран не в силах отнять”. Незадолго до смерти, уже после событий 14 декабря Карамзин пишет своеобразное политическое завещание, названное *Мысли об истинной свободе*. Историк мысленно обращается к молодым „безумцам”, с которыми не успел деспотить:

Умные безумцы! и вы не новое на земле явление. [...] Либералисты! Чего вы хотите? Счастья людей? Но есть ли счастье там, где есть смерть, болезни, пороки, страсти? Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить наверху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание. Для существа нравственного нет блага без свободы, но эту свободу дает не Государь и не парламент, а каждый из нас самому себе, с помощью Божию. [...] Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к провидению!³⁴.

Качества, определявшие характер Карамзина-политика, как и Карамзина-историка, оставались неизменны: самодостаточность, личная независимость, чувство собственного достоинства, чуждое „суетности”, бескорыстие в отношениях с Двором. С этой нравственной трибуны он одинаково свободно беседует и императору Александру I, и своим единомышленникам, и политическим оппонентам.

³⁴ *Неизданные сочинения и переписка Н.М. Карамзина*, оп. cit., с. 194-195.